

Арутюнова Е. М.

АДАПТАЦИЯ ВРЕМЕННЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ НА СЕЛЬСКОМ ЮГЕ РОССИИ¹

Арутюнова Екатерина Михайловна —
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
Института социологии РАН
E-mail: 981504@mail.ru
Тел.: +7 (499) 128 56 51

Аннотация. Целью данной статьи является анализ проблем интеграции внешних и внутренних мигрантов в сельскую среду Юга России, проблем восприятия принимающим населением возникающей социальной конкуренции и ощущения этнокультурной дистанции. На основе качественных методов (интервью, групповые дискуссии, невключённое наблюдение) раскрываются основные проблемные сюжеты, мотивы поведения участвующих в адаптационном процессе людей.

Ключевые слова: интеграция, адаптация, сельский социум, мигранты, этнокультурная дистанция, идентичность.

Проблемы интеграции и адаптации мигрантов в сельской среде в России, в отличие от проблем их жизни в городах, не привлекают к себе столь интенсивного внимания, поскольку масштабы миграции в сельские районы не так велики, как в города. Однако Юг России — регион, где миграция ощутима и в сельской местности, в особенности из регионов Средней Азии; кроме того, там ощущается серьёзный приток внутренних мигрантов из регионов Северного Кавказа. К тому же новый приток мигрантов происходит в исторически мозаичный в этническом отношении регион.

Методологическим основанием настоящего исследования является разработанная Дж. Берри теория аккультурации, т. е. изменений культуры участвующих во взаимодействии групп, которая связывает этот процесс с двумя

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта 12-33-01317 «Специфика интеграции и адаптации мигрантов в сельскую среду Юга России», рук. Е. М. Арутюнова.

основными проблемами: поддержания культуры (в какой степени признаётся важность сохранения культурной идентичности) и участия в межкультурных контактах (в какой степени следует включаться в иную культуру или оставаться среди «своих»). В зависимости от комбинации ответов на эти два важнейших вопроса Берри выделил четыре основных стратегии аккультурации: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция [Берри и др., 2007: 543].

Вместе с тем, изучаемая проблема шире, чем просто аккультурация, поэтому в большей мере следует ориентироваться на два типа адаптации: психологическую и социокультурную (касается поведенческих навыков и коммуникативных моделей при освоении новой среды), выделенные У. Серл и К. Уорд [Searle, Ward, 1990] в развитие теории аккультурации Берри и концепции «культурного шока» [Oberg, 1960; Furnham, Bochner, 1986].

Эти теории актуальны как для изучения адаптации людей, переезжающих на постоянное место жительства, так и временных трудовых мигрантов, при изучении которых можно применить подход, изложенный в работах И. М. Кузнецова. Данный подход выделяет два сценария адаптации: приспособительный и адаптационный. Последний, в свою очередь, может иметь интеграционный или анклавный характер (в сетевой или территориальной форме). Приспособительный сценарий является первым по времени способом взаимодействия прибывающих людей и групп с принимающей средой, хотя может остаться и основным. Главная его особенность заключается в том, что в процессе приспособления не происходит существенных изменений в образцах поведения, ценностях, культурных образцов, данный сценарий не предполагает глубокого освоения принимающей культуры. Адаптационный сценарий может быть связан с планами на долгосрочное постоянное проживание на новом месте. От приспособительного он отличается изменением социальных, культурных, психологических характеристик мигрантов и мигрантских групп при сохранении прежних социально-культурных идентичностей [Кузнецов, 2006; Кузнецов, Мукомель, 2005: 8].

Принципиально важным фокусом проблемы выступает то обстоятельство, что в ситуации активного и разного миграционного притока в южные регионы приспособляться приходится обеим сторонам, вот почему имеет смысл говорить о *взаимной* интеграции/адаптации.

С демографической точки зрения ситуация в регионах ЮФО не одинакова, хотя чётко прослеживается общая тенденция для макрорегиона — миграционный прирост, который в целом

оценивается позитивно в связи со снижением численности трудоспособного населения. Так, по данным статистического бюллетеня «Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2011 году» в Волгоградской области население сократилось (в том числе за счёт естественной убыли и миграционного оттока), в Астраханской области – увеличилось (в том числе за счёт естественного и миграционного прироста) [Численность и миграция..., 2012]. Эти данные включают переехавших на постоянное место жительства в регион и тех, кто получил временный вид на жительство, но не включают трудовых мигрантов.

Астраханская и Волгоградская области – регионы, различающиеся по этническому составу и тенденциям его изменения. В обеих областях большинство населения составляют русские: 90% в Волгоградской области и 67,6% – в Астраханской [Численность..., 2010]. Однако если в Волгоградской области численность представителей других этнических групп составляет 1,8% (казахи) и сколько-нибудь заметных изменений этнического состава в последнее время не наблюдается, то в Астраханской области ситуация более динамична. Здесь очевидны тренды уменьшения доли русских (по переписи 1959 г. русских в области проживало 77,5%, по последней переписи 2010 г. русских насчитывалось 67,6%) и увеличения доли постоянно проживающих казахов (численность их изменилась с 9,8% в 1959 г. до 16,3% в 2010 г.), а также чеченцев, дагестанцев, азербайджанцев и армян. При незначительной доле этих этнических групп в общем составе населения области¹, обращают на себя внимание темпы прироста их численности, которые с 1989 г. по 2002 г. составили: чеченцев 27%, этнических групп выходцев из Дагестана (в АО это аварцы, даргинцы, лезгины, кумыки) – 73%, азербайджанцев – 81%, армян – 25% [Дмитриев и др., 2010: 104].

Близкое расположение регионов к Северному Кавказу и государствам Средней Азии, непосредственная граница с Казахстаном, наличие прямого железнодорожного сообщения со странами Средней Азии, доступность разработки астраханских ресурсов – рыба, сельхозпродукция, а также неравномерность распределения трудовых ресурсов и недостаточная трудовая мобильность местного населения обеспечили в 1990-е – начале 2000-х гг. рост миграции в Астраханскую область. Для области с населением чуть более миллиона человек и повышенной плотностью населения эти быстрые изменения оказались весьма ощутимы.

Вторая волна внешней миграции в область началась в 2005 г., что было связано с изменениями в миграционном законодательстве страны, и включала в себя преимущественно иностранную рабочую силу из Узбекистана и Таджикистана [Дмитриев и др., 2010: 103].

¹ В 2010 г. их доля не превышала 1,5-2%.

На ноябрь 2011 г. в Астраханской области находилось 16 459 легальных трудовых мигрантов (состав мигрантов по стране происхождения см. на рис. 1). Подобная структура внешней трудовой миграции в целом сходна с общероссийской: доля мигрантов из Средней Азии и, особенно, из Узбекистана в структуре миграции в РФ в целом возрастает с середины 2000-х гг. Это влечёт проблемы, связанные с увеличением культурной дистанции: мигранты всё хуже знают русский язык, возрастает доля мусульман [Зайончковская и др., 2011].

Рис. 1. Состав мигрантов по стране происхождения в Астраханской и Волгоградской областях, %

В Волгоградской области по данным на сентябрь 2012 г. было оформлено 14 233 разрешения на работу иностранных граждан (что составляет 38% от квоты на этот год) и оформлено 12 347 патентов на иностранных граждан [Основные показатели..., 2012]. В Астраханской области, по данным экспертов, не более 60% мигрантов имеют разрешительные документы на работу в РФ, к тому же лишь у трети респондентов разрешение оформлено официальным путём [Монин, Беребицкий, 2011: 48]. О системности этих проблем говорят и сами респонденты: «Вообще не знаю, когда у нас тут наладится, в нашей системе выгодно быть нелегалом. Чтобы документов никаких не было, тебя остановили, ты отдал (деньги), пошёл дальше. У нас сложилось это уже многие годы» (наниматель).

Трудовые мигранты из стран Средней Азии в Волгоградской области сконцентрированы в заволжских районах, поскольку именно здесь выращивают бахчевые и овощи, тогда как на остальных территориях в большей мере развито зерноводство, где мигранты не требуются в больших количествах. В Астраханской области мигранты сосредоточены, прежде всего, в северных

районах. Таким образом, растениеводство и бахчеводство с применением наёмного труда внешних мигрантов распространено на климатически и ландшафтно сходном участке на территории обеих областей. В других районах трудовая миграция тоже есть, но в меньших масштабах и в основном с другой структурой занятости (строители, занятые в сельском хозяйстве в рамках всего нескольких крупных хозяйств).

Для южных регионов характерна их привлекательность для мигрантов, способных и желающих быть занятыми в сфере сельского хозяйства – в отличие от центральных регионов страны, куда мигранты, в основном, едут в города. В условиях депопуляции и старения населения в сёлах, временные трудовые мигранты из Средней Азии становятся конкурентоспособной рабочей силой. Эксперты признают, что обойтись без мигрантов село не может [Нефёдова, 2004]. При этом в сравнении с недавним прошлым, современные мигранты более конкурентоспособны, обладают большей мотивацией и лучше адаптированы к рыночным условиям [Нефёдова, 2004].

Ситуацию с межрегиональной миграцией, в том числе с акцентированной как проблемной миграцией из республик Северного Кавказа, прояснить в цифрах намного сложнее – официальные данные учитывают только тех, кто приехал и зарегистрировался по месту жительства или пребывания. Совершенно очевидно, что это не все фактически пребывающие на территории областей выходцы из других регионов. Эксперты оценивают эти потоки как внушительные в Астраханской области и как заметные в Волгоградской. Важно, что этот новый приток оказывает ключевое влияние на межэтнические отношения, особенно в Астраханской области.

Межэтнические отношения в исследуемых регионах складываются непросто. В регионе исторически сложилось многообразие культур и религий, и добрососедские межэтнические взаимодействия здесь – необходимость. Однако в последнее время, по данным исследования В. В. Мониной [Монин, Беребицкий, 2011], проявляется ярко выраженное противоречие между местным, «условно автохтонным» населением области (русские, татары, казахи и др.) и представителями «северокавказской условно-неавтохтонной» группы. «Кавказцы», «чеченцы», «дагестанцы» по данным массового опроса представляются жителям области как наиболее конфликтные этнические группы, а претензии к ним связываются с агрессивным поведением, использованием коррупции, нарушению общественного порядка, противопоставлением своей культуры и религии другим, местным, а также клановости и плохому знанию русского языка.

Аргументы противоположной стороны связаны с ощущением ущемления своих прав как россиян («недопущение к властным ресурсам», распространение в СМИ негативных стереотипов, предвзятость по стороны правоохранительных органов), «неприятием со стороны

славянского населения», а также с тем, что местные не являются достаточно религиозными и не следуют канонам своей веры (в том числе и мусульмане-казахи) [Монин, Беребицкий, 2011]. Это противоречие характерно в большей мере для городского пространства Астрахани, куда направляется основной приток внутренних мигрантов из Северного Кавказа, но и в сёлах, по данным интервью, негативные установки также присутствуют.

Объектом негативного отношения со стороны местного населения становятся не только временно или постоянно живущие в городе и области дагестанцы, но и те, кто приезжает ненадолго, для того чтобы погулять и «оторваться»: *«Идут волна за волной сейчас. Например, в Махачкале стало модным приезжать в Астрахань, тут погулять несколько дней и уехать. Там, может, не дают безобразничать, а тут как бы выехали»*. По данным экспертов, ситуация ещё сложнее в Ставропольском крае и Ростовской области.

Налицо элементы ксенофобии с обеих сторон, имеющие реальные экономические и социокультурные основания, при этом экономически они связаны со сложившейся конкуренцией за доминирование в некоторых областях деятельности — строительстве, сельском хозяйстве, торговле. Бизнес становится всё более «диким и криминальным» [Монин, Беребицкий, 2011: 51], местное население зачастую не находит себе применения и уезжает за пределы области, что, несомненно, влияет на изменение этнического состава в сторону увеличения доли мигрантов из северокавказских регионов и азиатских стран. Борьба не только за экономические, но и за политические ресурсы, попытки захвата административных и политических постов со стороны отдельных групп, правовая безнаказанность становятся одними из ключевых претензий к пришлому населению, особенно к представителям северокавказских национальностей.

Выходцы из Дагестана, как и в целом представители Северного Кавказа, оказались, наряду с цыганами, наименее желательными соседями, партнёрами по делам. Наоборот, наиболее желательной для взаимодействия признана, по результатам исследования, «условно-христианская» группа, большинство которой — русские, представляющиеся наименее агрессивной и наиболее открытой группой, «цементирующим элементом в формировании астраханского социума» [Монин, Беребицкий, 2011: 52].

В Волгоградской области, где территория и население примерно в 2,5 раза больше, а мигрантов меньше, чем в Астраханской области, ситуация с этническими установками также не очень

спокойна: треть населения (по данным опроса, проведённого областным УФМС) плохо или очень плохо относится к иммигрантам, а подавляющее большинство полагает, что в области их очень много. Плюсы миграционных потоков население видит в том, что это дешёвая рабочая сила, занятая в основном на позициях, где не хочет работать местное население. Минусов, в общественном мнении, значительно больше, и главный состоит в том, что дешёвая рабочая сила снижает уровень оплаты труда и обостряет безработицу, а также неуважение к местным традициям, росту преступности, контролю торговли на рынках [Протокол., 2012].

Стремление к интеграции в местное общество и к взаимному включению, по данным исследования в Астраханской области, у мигрантских групп выражено очень слабо. Причин тому несколько. Во-первых, мигранты из стран Средней Азии в массе *очень плохо знают русский язык*, что ограничивает их участие в местном взаимодействии. Во-вторых, они стремятся «не высовываться», чтобы ограничить возможность неприятия со стороны местных. У представителей северокавказских национальностей, в частности дагестанских, наоборот, выражено стремление к показному поведению, демонстрации сохранения самобытности, тем самым к противопоставлению себя местному сообществу. В целом около половины временных мигрантов из Средней Азии или Закавказья хотят стать астраханцами и видят здесь будущее своё и детей, но не более 60% из них готовы принять стиль и традиции жизни в регионе, а 40% к этому не готовы [Монин, Беребицкий, 2011: 49].

По данным исследования В. В. Мониной, наиболее комфортно, даже в условиях постоянно растущей напряжённости и психологического дискомфорта, активно отмечаемых представителями практически всех этнических групп, ощущают себя в Астраханской области мигранты из стран Средней Азии. С одной стороны это обусловлено низким уровнем собственных притязаний, в том числе и на повышение своего статуса, а с другой стороны — с постоянным спросом на их услуги. Отмечается и ещё одна причина — ощущение личной безопасности, что является важным показателем относительного психологического комфорта.

Мигранты из государств Средней Азии в сельской среде Юга — явление относительно новое, основной приток начался примерно в 2005 г. и имеет чёткую направленность деятельности — работа по найму в сельском хозяйстве.

Мотивации приезда в село у всех связаны с работой, но не только для выживания и пропитания. Некоторые зарабатывают себе на свадьбу, так как традиции предписывают в Узбекистане проводить свадьбы широко. Некоторые зарабатывают на постройку дома или покупку машины на родине и практически все участвуют в обеспечении той части семьи, которая осталась в родных местах. Зарабатываемые за сезон деньги позволяют семье прожить на родине несколько месяцев.

Возможность зарабатывать в России может стать фактором вертикальной мобильности на родине или же побудить к переезду: *«Потом домой один магазин куплю, потом на Узбекистан магазин куплю, потом продавец, детский форма. А деньги много будут здесь. Потом больше не приеду сюда. Машина есть, жена есть, всё есть, только один магазин не хватает» (мигрант, 23 года)¹.*

Основная характеристика трудовых мигрантов — «трудяги». Редко встречаются случаи или упоминания о том, что приехавший на работу мигрант бросил работу, уехал раньше времени, не работает или работает плохо: *«Узбеки вообще такие трудяги. Они благодарны людям, которые их берут на работу. Знаешь, сказал ему — он это сделал. Ребята вот добросовестные просто-напросто. Я вот горжусь, что у меня такие рабочие» (фермер, ВО).*

Однако есть и альтернативное мнение нанимателей: *«Говорят: вот, они такие труженики. Это ошибочное мнение. Да, они будут трудиться, но надо стоять и смотреть. Бесконтрольно никто работать не будет. И я бы, может, не стал. Это же психология человека такая — поменьше поработать — побольше получить. Как только он немного заработал — всё, больше не хочет. Он будет своих же узбеков напрягать, чтобы работали, но сам не будет, не хочет. У них же считается, если немного заработал, — уже бай. У них же рабовладельческий строй. Они на нём остановились» (наниматель).* О необходимости постоянного контроля говорят и другие наниматели.

Жизненные и трудовые пути, как правило, разные: есть мигранты в течение нескольких сезонов работающие в одном селе у одного нанимателя, есть работавшие до того в других сёлах. Но есть и такие, кто был вынужден устроиться в селе после того, как потерял работу в Москве в результате кризиса и впоследствии очень жалел о том, что не удержался в столице. В целом мигранты-участники родом из сёл, сельскохозяйственная работа им хорошо знакома. Для некоторых работа в сёлах в регионах — своеобразный транзитный период и период накопления социального капитала: подучив русский, освоившись, некоторые едут в Москву и другие города нередко для того, чтобы сменить форму деятельности. Подавляющая часть мигрантов в сёлах по данным нашего исследования имеют в основном, среднее или среднее специальное образование, но есть и образованные, высококвалифицированные специалисты в иных сферах. Но мотивы их приезда те же, что и у остальных.

¹ Здесь и в дальнейшем стиль респондентов сохранён.

Работа и быт. В обеих областях внешняя трудовая миграция (преимущественно граждане Узбекистана и Таджикистана) сезонная, работники нанимаются фермерами на основании разрешений на работу или физическими лицами на основании патентов. Иногда применяется практика вызова мигрантов условно в гости, наниматель регистрирует их по месту пребывания у себя дома на 3-6 месяцев, работать на полях такие мигранты не имеют права и вынуждены скрываться, если ФМС или полиция приезжают на поля. Такая практика — не всегда намеренное уклонение от закона. Для мелкого частного производителя она связана с неудобством и дороговизной оформления патента: нужно ехать в областной центр, в некоторых случаях это несколько сотен километров (при этом регистрацию оформить значительно проще — в районном центре); оплачивать внушительную сумму (в 10-12 тыс. рублей в сезон обходится нанимателю оформление одного работника по патенту, в том числе оплата авансового платежа по 1000 руб. в месяц). Сезон длится примерно 7 месяцев — с апреля по октябрь, то есть часть сезона в этом случае мигранты живут нелегально, если регистрация не продляется, и вынуждены скрываться.

В крупных хозяйствах, оформляющих мигрантов по закону с использованием разрешения на работу, свои проблемы — мигранты обходятся довольно дорого, за них выплачивается социальный налог, что не освобождает нанимателя от оплаты, например, лечения: *«Некоторые, может быть считают, что это дешёвый труд, нет, это очень дорогой труд. Примерно на каждого узбека, любого иностранного работника, мигранта, который приезжает к нам, расходы по заезду сюда в пределах 10 тысяч каждому. Представьте, если я 150 человек завёз, сколько я денег уже потратил. Это только заезд один. Плюс к этому мы предоставляем полностью питание, проживание, естественно и все... И мне непонятно, как же так, я плачу налог, это вроде как пенсионный, а все вопросы, связанные с лечением, с профилактикой, с комиссиями (ну, бывает, люди нормальные же, они могут болеть) — лечить за свой счёт, то есть я ещё плачу за него. В день, если он попал в стационар, 1200 руб., по-моему, плюс к тому ещё медикаменты и т. д.»* (наниматель).

Распространена практика, когда мигрантов нанимают частные лица, имеющие (в результате распределения колхозных земельных паёв) или арендующие землю, при этом производящие продукцию на продажу в небольших объёмах. У таких нанимателей, в зависимости от размера хозяйства, несколько работников — от 2 до 20. Живут они в разных условиях: иногда вместе в одном доме, если у нанимателя есть в селе ещё один дом, иногда в нескольких разных домах, особенно если работники приезжают с семьями. Наниматели арендуют у местных пенсионерок летние кухни или вторые дома. Цена аренды в сёлах, где брошенных домов много, —

300–400 руб. в месяц. Крупные наниматели зачастую селят своих работников в бывших студенческих лагерях, бараках, покупают или арендуют жильё, где работники жили бы все вместе. Иногда в больших хозяйствах наёмные работники живут прямо на полях — в слепленных из целлофана и камышей домиках («балаганах»), образующих целые городки.

Значительная часть мигрантов-работников в течение нескольких лет подряд приезжают к одним и тем же нанимателям, иногда состав работников меняется — некоторые уезжают на работу в Москву (это считается повышением статуса), выбывают по иным причинам (тяжёлый характер работы) или отсеиваются прежним работодателем.

Наниматель несёт все издержки, связанные с пребыванием работников — оформляет разрешение на работу или патент, регистрацию, обеспечивает жильё, оплачивает коммунальные услуги, иногда оплачивает питание и в нерабочие дни, лечение, если оно выходит за рамки того, что может обеспечить местная поликлиника.

Работники получают зарплату в среднем 7 тыс. в месяц, в конце сезона возможна премия, если наниматель счёл нужным: *«А в конце сезона, дай Бог заработать, помидоры сдать, я им премию ещё дам. Одному так думаю 10000, другому 5000. Тот похуже был, поменьше участвовал. И все так. Я плачу как люди. Не больше и не меньше. Конечно, дай Бог заработать, я бы им больше дала. Но они довольны и этим»* (нанимательница).

Если у нанимателя в данный момент нет работы (прополки, сборки и т. д.), наёмные работники могут пойти к другим работодателям «на денщину» — работа на день, не обязательно на поле. Также услугами таких работников пользуются и остальные сельчане, оплачивая помощь по хозяйству в размере 500–600–800 руб., в зависимости от сезона, сложности работы, конкурентности.

Заработанные деньги мигранты периодически отправляют семье на родину, как правило при помощи нанимателя: *«Адрес дают, мы в район ездим и им перечисляем. Одному, другому по 10 тыс. перечислили, недавно опять ездили, (работник) просил фотоаппараты купить, телефоны. Подарки домой. И опять 5 тыс. перечислили»* (нанимательница). Подобная практика стала распространённой после того, как в течение нескольких лет многих работников грабили по пути домой по окончании сезона, зачастую это были полицейские, о чём неоднократно говорили в интервью наниматели.

С миграционной службой сталкивались (кроме момента получения патента и его оплаты) немногие мигранты, её опасаются, даже будучи на легальном положении («Нет ещё, не дай Бог. У меня документ в порядке, (иначе) они делают депорт сразу» (мигрант, 42 года); «Они в основном так и работают... Стараются прятаться. Даже если всё законно» (представитель УФМС). Практически все наниматели забирают у своих работников паспорта, взамен у работника всегда с собой патент и оплаченная квитанция.

Включённость в сферы взаимодействия и адаптированность в разных сферах жизни. Первый этап приспособления на новом месте в основном проходит спокойно. В южных регионах фактором, облегчающим приспособление, становится долго держащаяся теплая и жаркая погода, хотя даже тут выходцам из Средней Азии не всегда просто: «Не, не тяжело, просто у нас там, на Родина, там не так холодно, а здесь вообще холодно. Первый, второй год мы не привыкли, но потихонечку привыкли. Ну, чего делать» (мигрантка, 38 лет). Очевидно, что психологический дискомфорт от пребывания на новом месте сказывается очень сильно, особенно у тех, кто приехал на первый сезон: «Просто чужое место всё. Скучаю. Папа, мама, жена созваниваемся» (мигрант, 28 лет).

Мигранты по большей части не включаются в иные, кроме трудовых, связи в местном социуме: большую часть времени они проводят на работе в поле, ограниченно включены в соседские отношения с местными, если живут в сёлах, а не удалённо, в поле или лагере.

Личностные отношения — почти исключительно со «своими», проживающими в селе, или с семьёй нанимателя. Встречаются случаи, когда работник за несколько лет заслужил доверие нанимателя и получает возможность пользоваться его автомобилем (для передвижений между полем и селом, причём не только по работе, но и в неформальной сфере, например, для выезда на природу в религиозные праздники).

Образовавшаяся социальная сеть, состоящая из «своих», выполняет разные функции, например, внутригрупповой поддержки с учётом потребностей отдельных людей. Практика, когда местные жители, в том числе и не нанимающие работников, делятся с мигрантами своими вещами, например, детскими, игрушками, бытовыми вещами, достаточно распространена, что, конечно, способствует более широкой коммуникации в условиях села, упрочению отношений и позитивной атмосферы взаимодействия. Если в городах благотворительные практики часто опосредованы организациями (фонды, церковь), и городской житель, отдав свои вещи, не знает, кому конкретно помог, то в селе помощь адресная.

Ещё одна любопытная функция, которую выполняет социальная сеть в селе — организация структуры деятельности внутри сообщества для более эффективной работы. Например, женщина из числа своих готовит пищу для

работающих на поле или одна женщина сидит с детьми нескольких семей, пока остальные на работе. По сути, образуется новый рынок труда, внутренний для мигрантской сети. Необходимость в подобного рода кооперации возникает потому, что отдавать своих детей в детский сад мигранты не имеют права.

В сфере социального обслуживания мигрантам доступны среднее образование (дети обязательно учатся в школе) и медицинское обслуживание (в селе проживания мигранты обслуживаются поликлиникой, беременные женщины находятся на учёте). Техническое или высшее образование доступно только с момента получения гражданства.

Молодёжь из числа мигрантов иногда посещает дискотеку в местном клубе, выходит «на улицу», «гулять», но включаются в местные молодёжные круги лишь единицы — те, кто когда-то приехал ребёнком и уже принят местными. Молодые мигранты, которые приехали на работу, будучи уже взрослыми, общаются, в основном, в своих группах молодёжи. Местная молодёжь их, как правило, не принимает, хотя и нет выраженной напряжённости, группы существуют как бы параллельно, с отчётливым символическим представлением о «своём» селе.

Постепенно мигранты включаются в общественную жизнь села — и по собственной инициативе, и по инициативе местного сообщества, в том числе администрации. В крупных сёлах (с численностью населения около 15 тыс. и очень малым количеством трудовых мигрантов), мигранты принимают участие в крупных мероприятиях, например, в праздновании юбилея села. Правда, здесь участие опосредовано институциональной сферой: диаспорная организация областного уровня приглашена участвовать в празднике, так как на подобных мероприятиях принято демонстрировать многообразие культур, и подобное участие не обязательно означает включённость людей других национальностей в постоянные взаимодействия.

Все мигранты в той или иной степени владеют русским языком: есть бойко разговаривающие, но есть и те, с кем общаться можно только при помощи переводчика. В момент проведения исследования ещё не вступили в силу (это произошло позже, 1 декабря 2012 г.) изменения в законодательстве, при которых нормой для трудовых мигрантов становится подтверждённое знание русского языка на базовом уровне. По утверждению и нанимателей, и самих мигрантов, даже если человек приезжает без знания языка, в относительно короткий период он осваивает минимальный

набор фраз, позволяющих общаться с нанимателем. Малая часть, оставшаяся жить в России, говорит по-русски очень хорошо: сказывается и время, прожитое тут, и расширенные контакты с местными: *«Потом научили, да. А у меня дети все по-русски разговаривают, вот две мои маленькие дочка, они пошли друг с другом по-русски разговаривать»* (мигрантка, 38 лет, живёт постоянно в селе 6 лет).

За несколько лет, проведённых в селе, мигранты адаптируются и с точки зрения внешнего вида и стиля одежды. Возможно, дело не только в приспособлении к местным, но и в целом в универсализации внешнего вида, в том числе, возможно, в стране исхода.

Идентичности на новом месте. Очевидно, что у временных мигрантов изменений идентичности не происходит. Контакты ограничены своей сетью, семьёй нанимателя, здесь отчетливо прослеживается статусное взаимодействие и даже у тех, кто постоянно живёт несколько лет, вряд ли происходят серьёзные изменения ценностей этнокультурного поля.

В очень скромном быту сохраняются элементы культурного контекста: у мигрантов обязательно есть казан для плова, некоторые покупают духовку, чтобы печь лепёшки.

Праздники обязательно отмечаются. Кроме универсальных (Новый год, 8 марта) и личных (день рождения, отмечаемый в рамках этноконтактной сети), мигранты отмечают окончание постов, например, Ураза-Байрам (правда, сам пост не соблюдают). Празднование поощряется работодателями, об этом говорят и они сами, и работники: *«<Работодатель> выходной даёт, иди, погуляй, где хочешь, потом чего-нибудь он всем купил»* (мигрант, 23).

Религиозную идентичность мигранты никак не демонстрируют. Элементы религиозности присутствуют — небольшое число ходит на пятничный намаз в мечеть (мечети есть в тех сёлах, где исторически проживают татары или казахи), часть ходит туда только по праздникам, часть — не ходит вообще. Работа не позволяет совершать намаз в течение дня, да и необходимости такой нет, так как сезонная работа приравнивается, по утверждению одного из мигрантов, к путешествию, в условиях которого соблюдение всех формальностей не обязательно. При этом работодатели идут навстречу потребностям религиозных мигрантов, встречаются случаи организации моленной комнаты в лагере, где изолированно живут мигранты.

Религиозный фактор в регионах исследования мог бы стать важным для интеграции, но очевидно, что к временным трудовым мигрантам это не относится. Гораздо более заметное значение религиозный вопрос имеет для северокавказской группы. В Астраханской области религиозный фактор выражен и действует совсем иначе, чем в Волгоградской, где этнический и религиозный состав однороден. И северокавказские внутренние мигранты, и внешние трудовые из Средней Азии приезжают в область, где до трети

населения также мусульмане и этот фактор не может не иметь значения. Для иммигрантов из стран Средней Азии тот факт, что ханафизм, который они исповедуют, совпадает с исповедуемым местными казахами и татарами, может способствовать их мирному включению в местное мусульманское сообщество, хотя для временных мигрантов, посещающих мечеть редко и занятых весь день на работе, это не столь важно.

Очевидно, что у мигрантов не происходит изменений этнокультурной идентичности, замкнутые круги общения и определённая цель — заработок без переезда — ориентируют их на сохранение идентичностей и реализацию приспособительного сценария или анклавно-сетевого интеграционного сценария вживания в новую среду (у тех, кто прожил хотя бы несколько лет в данном селе). Значимым является то, что мигранты в селе не переживают дополнительного культурного шока от столкновения с городской средой; сельская среда, пусть и другая культурно, даёт им возможность довольно быстрого приспособления.

Собственные перспективы в отношении проживания в России временные трудовые мигранты оценивают по-разному. Большинство из них ориентированы на продолжение сезонной работы, причём многие — в том же селе и у того же работодателя (сами они называют нанимателя «хозяином»). Есть и такие, кто хотел бы получить гражданство РФ, но в силу слабой осведомлённости, отсутствия каких-либо связей с общественными этническими или правозащитными организациями, куда можно было бы обратиться за помощью, они слабо представляют, как получить гражданство, при этом о коррупционной составляющей имеют полное представление: *«Она хотела гражданство, но не дают. Не получается. Деньги большие нужны, если гражданство будешь получать»* (мигрант, 41 год). Получение гражданства таким мигрантам представляется поворотным моментом в жизни, в результате которого появится возможность ещё и заняться бизнесом и перейти из разряда нанимаемых в разряд нанимателей: *«Купим дом. Хорошая зарплата получаем. Там Таджикистан мы хотим дом продать, здесь купить. Устраиваться здесь. Сначала хозяина работаем, потом мы сами поле сажаем... Проблема в гражданстве. Всё равно без гражданства это мы поле работаем. Только сейчас, данное время на питание хватит здесь. Даже на дорожку ни на один, никак, короче»* (мигрант, 41 год). В жизненных стратегиях таких людей очевидны высокая мотивация и адаптационный потенциал: они готовы жить там, где

есть работа (причём не важно, город это или село), повышать собственный статус, рискуя заняться предпринимательством, изучать язык. Скорее нетипичным, но весьма интересным и показательным является пример следующего отношения к родине и новому месту жизни и работы: *«Конечно, Родина, где сейчас. Где живёшь, хорошо живёшь, там твой Родина. Раньше Союз была. Я узбек — Узбекистан буду жить, я таджик — Таджикистан. А сейчас, где хорошо ты живёшь — это твой Родина. Вот данный время отсюда мы питаемся и зарабатываем. Здесь наш Родина»* (мигрант, 41 год).

Перспективы для своих детей в силу неясности ситуации для самих себя мигранты озвучивают гораздо реже. Если дети живут на родине вместе с матерью или другими членами семьи, а сам мигрант настроен на сезонную работу ещё хотя бы в течение нескольких лет, то, естественно, будущее детей связывается с родной страной. Здесь могут включаться и традиционалистские мотивы (например, у мигранта дочери, а женщинам положено сидеть дома). Те же, кто живут в селе с детьми, гораздо чаще говорят о желании видеть их гражданами России.

Отсутствие гражданства — ключевой фактор, тормозящий интеграцию давно живущих в селе семей, в том числе и детей, родившихся здесь: *«Но дело в том, что в армию его не берут, нет гражданства. И не учится, он нигде не может поступить, этот ребёнок. Девочка первая окончила на «отлично», у меня училась по математике, хорошо училась, вторая тоже очень хорошо соображала. Мальчик послабее был, но он разговаривал плохо. Его привезли в 7-8 лет, он плохо говорил. Пока он адаптировался, он потерял много. Девять классов кончил — бросил. Его на поля, и всё»* (сельская учительница). Родившиеся в России дети могут получить гражданство, но, видимо, родители не озаботились этим процессом. В итоге дети не имеют паспортов вообще, а свидетельство об окончании школы выписывается по свидетельству о рождении. Кроме того, *«они не могут взять землю в аренду без документов. Они, может, сами взяли бы и сделали что-нибудь»*; *«Я здесь жил бы. Вообще-то я хочу здесь магазин открыть какой-нибудь. Ну, такой, нормальный»* (мигрант, 29 лет, живёт в Астраханской области с 1994 г., без гражданства).

Важно, что даже давно живущие в селе мигранты считают себя приезжими, но, в то же время, отделяют себя от новых: *«Люди разные бывают. Некоторые едут, заработать хотят, чуть-чуть заработают, деньги увидели, всё, «я — не я». Гордыми слишком становятся. Я сколько лет живу здесь, я своё место знаю. Хоть у меня здесь знакомых много, я себя считаю приезжим. Хоть у меня деньги будут, всё будет, и я не пью»* (мигрант, 29 лет, живёт в Астраханской области с 1994 г.).

Как и во всяком социуме, **отношение к миграции** в сёлах разное. Отчётливо выделяются группы нанимателей и группы условно обиженного, ущемлённого (в своих представлениях) местного населения: *«Они все себя считают, здесь в деревне, что если ты местный, значит ты царь, бог и воинский*

начальник, а всё то, что приехало, это так — отбросы общества. То есть вот в таком ракурсе я вижу это постоянно: эй, ты, узбек! А то, что узбек зарабатывает своими руками деньги, а эти алкоголики только думают, чтобы украсть 24 часа в сутки — чисто русская психология» (наниматель, приезжий).

Мигранты — это рабочая сила, которой в селе недостаточно: «Это спасибо надо сказать, что они приезжают. И не только здесь. Ты прекрасно знаешь, и в Москве так же — убери узбеков — и всё» (наниматель); «А то, что они на работу приезжают — я не против. Потому что мы без них тут никто. У нас работать — русских нет» (нанимательница). Рефрен подавляющего большинства мнений: кроме мигрантов, работать в сельском хозяйстве в качестве простых работников некому.

Не только недостаточная численность трудоспособного населения в селе (основные демографические тренды в сёлах — депопуляция, переселение молодёжи в города, старение населения) является тому причиной. Местные часто пьют, не хотят работать вообще или хотят более выгодных условий (выше оплату, меньше длительность рабочего дня и т. д.) и, таким образом, оказываются неконкурентоспособными в сравнении с мигрантами, работающими от зари до зари, мотивированными и непьющими: «Местные вообще не хотят работать. Ну, не знаю, я честно тебе могу сказать, что вот наша русская нация просто опускается» (фермер, Волгоградская область). «Во-первых, оплата. Во-вторых, там работать надо. В принципе, даже если работает, зарплату получает — ушёл в загул на неделю-две. Ненадёжное население. Выгоднее иностранцев (братъ). Но, бывает, есть сознательные. Женщины, например, ещё кто-то. Но опять же, их силком не затащишь в жару такую работать» (представитель УФМС).

«У меня ещё скотно-прудовое хозяйство, на зимнее время приходится оставлять большой объём работы. Нужны крепкие нормальные мужики. Ну, вроде из своих набрал где-то. И вот наступают самые тяжёлые дни, и вместо того, чтобы выходило на работу 17, 20, до 25 человек, их выходило на работу 3-5 человек. Просто не идут они на работу. «Ну, ребята, мы же договорились, мужики! Ну как же так!» То есть получается, я вынужден срочно звонить туда: «Талиб, собери мне 10-12 ребят, присылай побыстрей... потому что я опять задыхаюсь». Слава Богу, они на месте, я знаю, что они утром, все 15 человек, выйдут на работу, отработают, я их накормлю, у них есть тепло, они отдохнули, и всё остальное. В этом плане я больше не знаю, мы себя исчерпали» (наниматель).

Ещё одно основание – мигрантский труд используют наниматели, которые в свою очередь обеспечивают поддержание и развитие сельского хозяйства в округе, дают работу небольшому количеству местных, помогают финансово администрации (например, на деньги нанимателя построена часовня в селе). Наконец, мигранты, пусть и временные, сглаживают негативные демографические тенденции в селе: в их среде выше рождаемость, а для местных детских садов и школ это принципиально важно, они малокомплектные (в некоторых сёлах школы уже несколько лет находятся под угрозой закрытия старших классов, школу заканчивают 3-5 человек). Закрытие старших классов повлечёт ограничение возможностей для сельских детей, лишит работы учителей и персонал школы, потому дети мигрантов – нужный и желаемый приток в сельские сады и школы: *«Я положительно отношусь к тому, что они приезжают... Я не боюсь того, что они здесь будут сильно размножаться, и что их будет сильно много. Может это даже положительный момент в том отношении, что школу хотя бы не закроют. Вот в этом году в первом классе, по-моему, всего два местных ребёнка, а остальные 5 или 6 узбекских детей»* (жительница села); *«Если бы они здесь оставались, например, семьями жили бы, с детьми, то и садик бы у нас пополнялся, и школа. А то здесь остаются почти одни пенсионеры. Молодёжь не остаётся – уезжает. А они все хотят оставаться в России. Надо попробовать поработать с такими»* (председатель муниципалитета).

Установки на принятие у местного населения отчётливо различаются по сферам: если как соседи или наёмные работники мигранты, в основном, не вызывают отторжения, то в личной, дружеской, семейной сфере, ожидаемо, установки на принятие негативные: *«Это надо много лет прожить, как вот мы живём всю жизнь с татарами. Может быть, когда-то дальнейшее поколение будет считать их своими, лет там через пятьдесят. А пока...»* (нанимательница).

Очевидно, что поведение мигрантов меняется и в связи с тем, что приток длится уже несколько лет, и в рамках одного сезона, когда приехавшие осваиваются и ведут себя более свободно. Зачастую местные жители определяют такие изменения термином «наглеют». Однако в целом в конфликтах мигрантов не замечают и не обвиняют.

Отдельный повод для беспокойства сельские жители видят в неконтролируемой ситуации с состоянием здоровья мигрантов. Если мигрант оформляется по закону, он должен пройти медобследование, но всем очевидно, что есть нелегально работающие мигранты, и их здоровье не контролируется: *«У них там заболевание какое-то было в этом году. Болели без конца, деньги без конца слали.. Это меня всегда беспокоит тоже. Они сюда приехали, первый год мы им делали всё. Сюда приходили комиссии. А сейчас как они все проходят? Опять же за деньги. Ничего у них не смотрят»* (на-

нимательница). Известных случаев заболеваний, заражения от мигранта не озвучивалось (в селе это быстро стало бы достоянием гласности), поэтому можно предположить, что подобные опасения могут быть результатом восприятия стереотипного представления, которое транслирует и дискурс прессы. Для сельских жителей очевидно ещё и то, что мигранты активно посещают местную поликлинику, и стремление заботиться о своём здоровье может успокаивать местных. В больших же хозяйствах за состоянием здоровья работников, как правило, пристально следят наниматели.

В новой ситуации миграционного притока есть ещё одна сторона, которая замечается сельскими жителями и представляется несправедливой: наниматели, оплачивая ежемесячно налог на каждого работника по патенту, сетуют, что эти деньги уходят в центр, никак не сказываясь на местном уровне, хотя именно здесь заметны затраты, связанные с ними, особенно обучение в школе: *«Вообще этих денег не видим. А на самом деле с ними сколько мороки здесь. За ними надо следить, чтобы они медосмотр прошли все. Здесь они услугами пользуются: и на почте, и в кассах, и в магазинах, а нам от них никакого дохода. Объясняют тем, что вот вы дотации получаете от государства. А дотации же в расчёте на постоянных жителей. Они без документов, они не граждане России, поэтому ничего. А дотации это дело не выгодное. Сколько бы они не перечислялись (председатель муниципалитета). Необходимость для давно живущих иметь гражданство многие жители считают уже справедливым по отношению ко всем сторонам: «А вот если у них документы будут, уже будет по-другому. Потом их можно и в армию брать. Это что такое? Обучаем мы их бесплатно. А почему в армию не берём?»* (сельская учительница).

Итак, по данным проведённого исследования, адаптация временных мигрантов и интеграция новых жителей в сельских условиях происходит, с одной стороны, проще и быстрее, так как здесь более тесные сети контактов, новые люди, что называется «на виду», неформальные отношения завязываются быстрее и эффективнее, а люди, как принято считать, «душевнее, чем в городе». С другой стороны, именно эти черты сельского социума могут мешать интеграции: культурные отличия заметнее, когда человек всегда на виду. Более высокий уровень традиционализма у сельских жителей, гипотетически должный мешать включению новых людей в привычные круги общения, как правило, не мешает.

Основной сценарий вживания в новую среду для трудовых мигрантов-сезонников из стран Средней Азии (в подавляющем большинстве это граждане Узбекистана) – приспособительный, не требующий глубокого вхождения в принимающую среду, изменений

идентичностей и стиля поведения. Для единичных случаев среднеазиатских мигрантов-старожилов возможен адаптационный сценарий вхождения в новую среду, однако интеграционный его вариант, наиболее позитивный, тормозится несколькими факторами, среди которых основной – трудности в получении гражданства. Отсутствие последнего закрывает доступ к получению образования или к продолжению трудового пути в новом качестве – арендатора или владельца земель. Для поколения молодых мигрантов, уже свободно владеющих русским языком, окончивших в России школу, ограничение возможностей самореализации может стать дополнительным фактором маргинализации и усиления этнокультурной дистанции. Это, безусловно, негативный фактор, способный свести к минимуму такие благоприятные условия для интеграции, как относительно спокойное восприятие миграции из Средней Азии в масштабах региона и позитивное самоощущение мигрантов.

Очевидно, что, несмотря на напряжённо воспринимаемые межэтнические отношения в целом в регионе, в сёлах уровень агрессии и конфликтности намного ниже, а открытость некоторых кругов общения (соседского в наибольшей мере), в сравнении с городской средой, является вполне позитивным условием для успешной адаптации людей, если они будут приезжать на постоянное место жительства. Ситуация складывается таким образом, что адаптация к переменам необходима всем сторонам взаимодействия, и в сёлах такая адаптация выглядит более успешной, особенно в условиях российского Юга, где этническое многообразие – норма, изначальное условие жизни.

Литература

Берри Дж., Пуртинга А. Х., Сигалл М. Х., Дасен П. Р. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. – 560 с.

Данные Центрального банка данных учёта иностранных граждан [Электронный ресурс] // Федеральная миграционная служба Официальный сайт ФМС России URL: http://www.fmsmoscow.ru/files/is_dshsk.pdf (дата обращения: 24.02.2014).

Дмитриев А. В., Карабущенко П. Л., Клочков Г. В., Усманов Р. Х. Юг России в миграционном и этноконфликтном измерениях. Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет». 2010. – 233 с.

Зайончковская Ж. А., Тюрюканова Е. В., Флоринская Ю. Ф. Трудовая миграция в Россию: как двигаться дальше. Серия специальных докладов, 2011 [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики Национальный

исследовательский университет URL: http://www.hse.ru/data/2012/03/19/1264733031/1Labour_migration_to_Russia_r.pdf (дата обращения: 25.02.2014).

Кузнецов И. М. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса (*на примере г. Москвы). Автореф. дис. ... уч. ст. к.с.н. М., 2006.

Кузнецов И. М., Мукомель В. И. Адаптационные возможности сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М., 2005. – 50 с.

Монин В. В., Беребицкий Б. З. Динамика межэтнических и межконфессиональных отношений в Астраханской области и Прикаспийском регионе /монография/. – Астрахань: Полиграфком, 2011. – 69 с.

Нефёдова Т. Г. Миграции в сельской местности и агропроизводство в староосвоенной части России [Электронный ресурс] // Центр миграционных исследований URL: http://migrocenter.ru/science/science019_3.php (дата обращения: 25.02.2014).

Основные показатели деятельности УФМС по Волгоградской области // [Электронный ресурс] // Управление Федеральной миграционной службы по Волгоградской области Официальный сайт URL: <http://www.fmsvolg.ru/> (дата обращения: 24.02.2014).

Протокол № 18 заседания Общественно-консультативного совета при Управлении Федеральной миграционной службы по Волгоградской области от 20 июня 2012 г. [Электронный ресурс] // Управление Федеральной миграционной службы по Волгоградской области Официальный сайт URL: <http://www.fmsvolg.ru/> (дата обращения: 25.02.2014).

Смолина Т. Л. Адаптация к инокультурной среде: анализ родственных понятий // Психология человека: интегративный подход. Сборник статей. Санкт-Петербург: Изд-во АНО «ИПП», 2007. С. 162-167.

Численность и миграция населения Российской Федерации в 2011 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_107/Main.htm (дата обращения: 24.02.2014).

Численность и размещение населения [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2010 URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 24.02.2014).

Searle W., Ward C. The prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions. // International Journal of Intercultural Relations. 14, 1990. p.449-464.